

Ч. д. 195609 КД

дешевая
**НАРОДНАЯ
БИБЛИОТЕКА**

В. МУИЖЕЛЬ.

**ОТЕЦЪ
НИКОДИМЪ.
НА ВРАЖЬЕЙ
ЗЕМЛЪ.**

издание

состоящаго
подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества
ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА
покровительствомъ

СКОБЕЛЕВСКАГО КОМИТЕТА

2a
25609

Отецъ Никодимъ.

Изъ силуэтовъ войны. В. Муйжеля.

I.

67430
Зимою священникъ N—скаго полка заболѣлъ какой то сложной желудочной болѣзнью и вынужденъ былъ уѣхать; послѣ разнесся слухъ, что отцу Павлу надо было дѣлать операцию, и его эвакуировали домой, въ Россію. Около мѣсяца полкъ былъ безъ священника, но это не такъ замѣтно было потому, что наступило какъ разъ то время, которое въ передовой линіи зовутъ затишьемъ.

Раненыхъ было мало, убитыхъ еще меньше.—полкъ сидѣлъ недѣли три въ окопахъ, потомъ уходилъ на недѣлю на отдыхъ, потомъ опять шелъ въ передовую линію, и затишье,—особое время, когда идетъ такъ называемая дежурная перестрѣлка,—продолжалось по всей линіи вытянувшись на нѣсколько десятковъ верстъ фронта.

Гдѣ то, за узенькой полоской мертваго пространства между вражескими окопами, что то копилось. Объ этомъ говорило самое затишье, какъ въ природѣ тишина передъ грозюю; объ этомъ доносили развѣдчики, лазавшіе къ нѣмцамъ, какъ къ себѣ домой, ходили темные слухи о томъ, что противникъ перебрасываетъ свои силы въ новомъ направленіи, и всё чувствовали, что что-то должно

прозойти, не сегодня, такъ завтра, черезъ недѣлю, или мѣсяць, но пока въ сошедшихся двухъ линіяхъ окоповъ была тишина.

Солдаты обжились въ землянкахъ, натаскали себѣ изъ сосѣднихъ брошенныхъ обитателями халупъ разныя хозяйственныя вещи, варили цѣлыми днями чай, а когда стало пригрѣвать солнышко, вылѣзали осторожно изъ окопа и цѣлыми часами лежали въ сладкой весенней истомѣ, подставляя спину теплымъ, ласковымъ лучамъ.

Въ это примѣрно время въ полкъ былъ назначенъ новый священникъ изъ монаховъ, отецъ Никодимъ.

О его пріѣздѣ полкового командира извѣстили телефонограммой. Онъ выслалъ въ городъ, до котораго доходила желѣзная дорога, коляску.

На войнѣ жизнь людей виситъ на волоскѣ. Подавленная непрестанной опасностью мысль ищетъ опоры, и единственное, что можетъ поддержать, — вѣра. Простая, безхитростная, почти дѣтская вѣра, и на войнѣ вѣрующими стали всѣ. Тѣ, кто раньше никогда не молился и, говоря о вопросахъ вѣры, улыбался той улыбкой, что улыбаются большіе, присутствуя при разговорѣ дѣтей, — идя въ атаку или на опасную развѣдку, часто и быстро крестились и по вечерамъ, ложась спать въ землянкѣ, ощупывали маленькій образокъ или крестикъ на шеѣ.

Суровая жизнь войны, будившая въ душѣ заглохшую съ дѣтства вѣру, перенесла это смутное, неясное исканіе опоры и защиты на службу тѣмъ вѣрамъ — священниковъ. Почти все офицерство, не говоря уже о солдатахъ, относилось къ прежнему отцу Павлу съ тѣмъ дружескимъ близкимъ уваженіемъ, которое бываетъ по отношенію къ лю-

дямъ, сильнымъ особой, не совѣмъ понятной, силой.

Теперь, когда ждали новаго священника, офицеры какъ-будто подтянулись, и даже самъ полковникъ, усатый, совершенно лысый человѣкъ съ красными набухшими вѣками, за которыя его звали молодые офицеры Виѣмъ, проходя по штабу полка,—двумъ крохотнымъ комнаткамъ привикшей возлѣ дороги избы, гдѣ и жили чины штаба,—отмахнулъ ногою разбросанные обрывки бумагъ на полу и заворчалъ на вѣстовыхъ, ничего не дѣлавшихъ на кухнѣ:

— Дубье стояросовое, хоть бы прибрали тутъ!.. Все-таки духовное лицо прѣдетъ... Все по-свински... Я вамъ ужю!..

Личный денщикъ полковника подмахнулъ полъ вѣшикомъ, одинъ изъ вѣстовыхъ накрылъ столъ чистой скатертью, а другой даже сдѣлалъ попытку украсить грязную, съ землянымъ поломъ, халуну чѣмъ-то въ родѣ занавѣсокъ на окнахъ.

А на дорогѣ возлѣ избы, по канавамъ и между старыми ветлами, окаймлявшими дорогу, уже собралась толпа неизвѣстно откуда явившихся солдатъ. Они стояли и сидѣли молча, шурясь на пригрѣвавшее уже по-весеннему солнце, и терпѣливо ждали.

Пранорщикъ Воронинъ раза два выходилъ посмотреть, не ѣдетъ ли батюшка, и пробовалъ было гнать солдатъ; они отходили немного, потомъ опять возвращались и присаживались въ канавкѣ, шурясь, какъ довольные, сытые коты... И совершенно неизвѣстно было, откуда они понабрались. Несомнѣнно, изъ окоповъ ихъ никто не отпускалъ, стало-быть, пришли сами, безъ сиросу. А это былъ уже нешорядокъ.

II.

Отецъ Никодимъ прѣѣхалъ какъ разъ въ то время, когда его ждали. Былъ онъ невысокъ ростомъ, коренастъ и сильно мужиковать по виду. Простымъ и некрасивымъ было его веснушчатое, испещренное рыжими пятнами стѣ носа до ушей, лицо, и особенное, грубое и прстеецкое выраженіе придавалъ ему носъ, короткій, толстый, съ огромными вывороченными ноздрями, на которыя первый встрѣтившійся съ нимъ человѣкъ смотрѣлъ больше всего.

И руки у него были тоже грубыя, мужицкія, съ грязными ногтями и въ веснушкахъ, и такъ много было этихъ веснушекъ на лицѣ и рукахъ, что каждому невольно думалось, что и все тѣло отца Никодима покрыто ими, и весь онъ пестрый, какъ дятель, должно-быть.

Привезъ онъ съ собою какіе-то узелки, какія-то коробки, завязанныя поверхъ крышки ситцевыми платочками, и, вылѣзая, прежде всего сталъ заботливо вытаскивать эти узелки и коробки. Солдаты стадомъ обступили его, подходили подѣ благословеніе, а онъ быстро, словно отмахиваясь, благословлялъ скороговоркой:

— Во имя Отца и Сына!..

Торопливо сѣменя огромными рыжими сапогами, онъ прошелъ сквозь толпу солдатъ, отмахивая благословенія все съ тѣмъ же торопливымъ, отсутствующимъ выраженіемъ, какъ-будто онъ въ это время всецѣло былъ занятъ своими коробками и узелками, взошелъ въ халупу, гдѣ былъ штабъ, и скрылся въ дверяхъ.

Солдаты молча смотрѣли ему вслѣдъ, и видно было, что онъ не показанся имъ. Преній, отецъ

Павель, былъ академикъ, философъ, спокойный, величавый безсребренникъ, ожидавшій только конца войны, чтобы постричься въ монахи. Онъ былъ вдовъ, и это наложило на него отпечатокъ вѣчной замкнутой печали, и когда онъ вечерней зарею проходилъ по дорогѣ, опустивъ глаза въ землю и какъ-будто не замѣчая ничего окружающаго, солдаты почтительно сторонились и потомъ долго глядѣли ему вслѣдъ.

Онъ былъ храбръ, и когда начинался обстрѣлъ халупы, которую нѣмцы все время нащупывали тяжелыми снарядами, когда полковой штабъ залѣзалъ въ телефонную землянку и отсиживался тамъ въ придавленной низкимъ потолкомъ тѣснотѣ, священникъ такъ же задумчиво, съ замкнутымъ лицомъ, бродилъ снаружи, не обращая вниманія на разрывы „чемодановъ“ и восхищая этимъ солдатъ.

Они относились спокойно къ отвагѣ, проявленной своимъ братомъ солдатомъ тамъ, гдѣ этого требовали обстоятельства, и говорили объ этомъ мало; но когда въ первой линіи окоповъ, подъ обстрѣломъ, появлялся полковой командиръ, который, по ихъ мнѣнію, могъ совершенно спокойно сидѣть у себя въ землянкѣ за полверсты отъ первой линіи и не подвергать себя опасности, когда дивизионный генералъ, сидѣвшій обычно за три версты, вдругъ появлялся на дорогѣ съ двумя казаками-ординарцами подъ непрерывными пулями, они приходили въ восторгъ именно оттого, что вотъ человекъ могъ сидѣть совершенно спокойно дома и не рисковать жизнью, а онъ идетъ подъ пули и хоть бы бровью повелъ...

Имъ, солдатамъ, это полагается, такъ нужно, для того они и служатъ въ солдатахъ, а если бы

не полагалось, то никто изъ нихъ не полѣзъ бы сюда; а они—господа, полковники и генералы, имъ и не нужно, а они все-таки храбры... А когда они увидѣли полное равнодушіе къ опасности у священника, они окончательно были подавлены этимъ.

III.

Полкъ мѣсяцъ простоялъ въ окопахъ, потомъ былъ отведенъ на отдыхъ. На отдыхѣ стояли возлѣ штаба корпуса, въ старинномъ католическомъ монастырѣ, помѣщавшемся въ замкѣ какого-то польскаго воеводы.

Монастырь былъ красивъ, какъ красива бываетъ только подлинная старина, гдѣ въ паркѣ вѣковыя липы сдержанно шумѣли подъ теплымъ весеннимъ вѣтромъ, гдѣ надъ рѣкой, огибавшей паркъ, скромно пряталась въ голыхъ еще, но уже чувствующихъ весну, деревьяхъ художественная статуя Богоматери, гдѣ размѣренная, строгая и величественная жизнь посвящавшихъ досуги наукамъ и искусствамъ братьевъ придавала каждой вещи, каждой дорожкѣ въ паркѣ таинственный смыслъ и обаяніе.

Первое время отецъ Никодимъ испугался католическаго настоятеля, въ мирѣ графа старинной фамиліи, человѣка, говорившаго на всѣхъ европейскихъ языкахъ, утонченно вѣжливаго и вмѣстѣ съ тѣмъ исполненнаго истинно-аристократическаго достоинства.

Военный постой настоятель принялъ, какъ неизбежное, но сумѣлъ сдѣлать жизнь офицеровъ и солдатъ легкой и пріятной, когда никто не чувствовалъ здѣсь себя хозяиномъ, но вмѣстѣ съ

тѣмъ и обязаннымъ чѣмъ-либо монахамъ. Узнавъ, что въ полку есть священникъ, настоятель самъ лично пригласилъ его къ обѣду, и этотъ обѣдъ былъ самымъ ужаснымъ воспоминаніемъ всей жизни отца Никодима.

Несомнѣнно европейски-образованный, величественный, какъ царь въ своихъ владѣніяхъ, и предупредительно вѣжливый настоятель тотчасъ же понялъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло; несомнѣнно, онъ тотчасъ же отмѣтилъ мужиковатую простоту робко озиравагося, трусливо взираваго голову въ плечи русскаго попа, но ни однимъ движеніемъ, ни одной складкой выхолощеннаго бритаго лица не показалъ онъ неуваженія въ гостю. И когда отецъ Никодимъ, съ трудомъ справлявшійся съ мудреными вилками и приборами за столомъ настоятеля, потный, совершенно уничтоженный величіемъ жизни настоятеля, его громадной библиотекой, темными картинами, старинными, не имѣющими цѣны, гобеленами на стѣнахъ, едва досидѣвъ обѣдъ, рванулся домой,—отецъ настоятель такъ же величественно, какъ дѣлалъ все, мудро бесѣдуя на понятныя бѣдному монашку темы, пошелъ проводить его и провелъ до самыхъ воротъ своего помѣщенія.

— Господь съ ними совсѣмъ! — тайнственно наклоняясь къ уху, говорилъ отецъ Никодимъ своему пріятелю, завѣдывавшему хозяйствомъ заурядъ-чиновнику. — Великолѣпіе, пышность — рыбу подали, Господи жь ты Боже жь мой!—я и не видалъ такой: чисто-живая на блюдѣ лежитъ, и округъ нея всякая травка салатная и галантиръ этотъ самый, навродѣ какъ вода, ей-ей, такъ и оказывается, будто рыба эта самая выплыла на блюдо и лежитъ такъ... Богъ съ ними совсѣмъ,

боюсь я этого самаго, куда намъ!.. Меня вонъ въ савъ посвящали, такъ владыка ка-акъ зыкнетъ: „Да ты грамотный ли?“—говорить. У меня ажъ подъ колѣнками томленіе сдѣлалось, истиннымъ Богомъ клянусь... То ли дѣло у насъ въ монастырѣ. Монастырь нашъ старенькій, бѣдненькій, давальцы нонче плохіе стали, а стоитъ подъ горой, такъ что идешь когда изъ ронци,—по грибы мы туда все ходимъ,—вдарить это колоколь, еще съ Ивана Грознаго онъ виситъ, будто вся земля загудѣла, ко всенощной, значитъ!.. Просто у насъ все, бѣдность, эта правда, а только что много пріятности это имѣеть... Дубы старыя въ саду на горѣ—святые дубы называются, отцы пустынножители молились подъ ними, сказываютъ... И камень, ей-ей, съ домъ добрый камень—на этомъ камнѣ и стояли. И такъ много пріятности у насъ—тоже вотъ когда съ чудотворной въ городъ за семьдесятъ верстъ крестнымъ ходомъ идемъ, солнышко это, тепло, мужиковъ, бабъ этихъ самыхъ... Въ каждой деревнѣ встрѣчаютъ, сейчасъ подъ икону—благолѣпіе, робость, Бога какъ слѣдуетъ чувствуютъ... И польза тоже не худая бываетъ, молебны тамъ, подчасъ съ акаѳистомъ, кто десять копеекъ, кто двадцать, а бываетъ—который до Бога усердень—и рупь цѣлый подастъ. И опять идемъ, поемъ тропари, рощами березовыми идемъ, духъ весенній отъ березъ идетъ, боромъ тоже приходится, воздухъ, что съ печки, жаркій, душмянный, смолой этой самой да багуномъ такъ тебя всего и обдастъ... Величіе Божіе, благодать!.. А въ городъ придемъ—сейчасъ на подворье; ну тутъ, слабость наша—бываетъ, и водчоночки отецъ рухольный, который, значитъ, за всѣмъ добромъ на подворьѣ глядитъ, поднесетъ,—Господь пре-

ститъ, что съ насъ темненькихъ взять? Слабъ есмь человекъ, бо въ грѣсѣхъ рожденъ.

Онъ мечталъ наивно и просто, какъ мечтаютъ дѣти,—и чувство природы, кровная связанность съ нею у него смѣшно мѣшались съ гривенниками и пяточками и водочкой, поднесенной отцомъ рухольнымъ. Но заурядъ-чиновникъ понималъ это, кивалъ солидно головой и, оттягивая тѣсный воротникъ толстой шинели, хрипѣлъ серьезнымъ басомъ:

— Который ежели человекъ къ своему мѣсту приверженность имѣеть, тому завсегда въ чужой сторонѣ нѣтъ удовольствія.

Онъ былъ большой философъ и, когда говорилъ съ кѣмъ-нибудь, обстоятельно выслушивалъ собесѣдника и потомъ дѣлалъ окончательный выводъ высокопарной и солидной фразой.

Съ попомъ онъ сталъ большимъ пріателемъ, и объединяло ихъ, кажется, главнымъ образомъ то обстоятельство, что оба копили деньги. Отецъ Никодимъ по военному положенію получалъ довольно много—такъ много, что до сихъ поръ онъ никогда и не видѣлъ такихъ денегъ, и, получивъ ихъ, онъ конфузливо зажималъ въ кулакъ и пряталъ руку за бортъ подрясника, а потомъ, сказавъ что-нибудь постороннее, насчетъ погоды или какого-нибудь мелкаго случая обыденной жизни, торопливо выходилъ и гдѣ-нибудь въ темномъ уголкѣ трясущимися руками разстегивалъ на груди подрясникъ, потомъ теплый жилетикъ, потомъ рубашку и вытаскивалъ замшевый мѣшочекъ. Пересчитывалъ скопленные деньги, прибавлялъ къ нимъ полученные и тщательно завязывалъ мѣшочекъ, и застегивался, а когда выходилъ, боязливо оглядывался—не видалъ ли кто?

IV.

Боя отецъ Никодимъ не видалъ. Въ окопахъ была перестрѣлка, которую онъ только издали слышалъ, потомъ отдыхъ. И когда двинулись изъ монастыря по слѣшному приказанію изъ штаба дивизіи и пошли слѣшными переходами совсѣмъ въ другую часть страны, и на всѣхъ лицахъ, начиная отъ Вія и кончая послѣднимъ обознымъ солдатомъ, появилось особое, сосредоточенно-напряженное выраженіе, отецъ Никодимъ понялъ, что съ этого момента началось настоящее.

Онъ мало и рѣдко видѣлъ раненыхъ и старался избѣгать этого, иногда кривя для этого душою—когда его звали напутствовать, онъ говорилъ, что раненаго надо эвакуировать скорѣе, что въ дивизионномъ лазаретѣ ему сдѣлають операцію, и онъ выздоровѣеть...

Полкъ шелъ двое сутокъ усиленнымъ маршемъ, потомъ, не отдыхая и даже не успѣвъ отдохнуть, сразу вступилъ въ бой.

Мѣсто было новое, голое, открытое, заготовленные давно окопы мѣстами осыпались, и ихъ долго чинили, и когда штабъ полка устроился наконецъ, бой былъ въ полномъ разгарѣ.

Совсѣмъ близко, до ужаса близко, такъ что отецъ Никодимъ вздрагивалъ каждый разъ и крестился подъ подрясникомъ, громыхала торопливными очередями артиллерія, немного дальше, въ первой линіи, трещали ружья, иногда вспыхивалъ захлебывающейся дробью пулеметъ, и доносился крикъ, похожій на ревъ, и съ трудомъ въ немъ можно было разобрать „ура“.

Всѣ въ штабѣ были заняты, всѣ напряженно работали, и самъ Вія съ наморщеннымъ лбомъ и

судорожно сжатыми губами сидѣлъ съ телефонной трубкой у уха, слушалъ и одновременно отдавалъ приказанія. Потомъ бросилъ трубку и ушелъ—и остался одинъ отецъ Никодимъ.

Въ тоскѣ и смятеніи бродилъ онъ возлѣ землянки, пробовалъ заговаривать съ денщиками, но тѣ отвѣчали наспѣхъ, почти сердито, и куда-то бѣжали; зачѣмъ-то появился завѣдующій хозяйствомъ, хотя онъ долженъ былъ быть въ тылу, и совсѣмъ не здѣсь было его мѣсто, и, увидѣвъ священника, нахмурился.

— А ты бы, батя, въ околотокъ шелъ, къ раненымъ!..—строго проговорилъ онъ.—Твое мѣсто тамъ... Дары-то, чай, съ собой?

— Какъ водится...

— Такъ чего жъ ты зря тутъ околачиваешься? Который человѣкъ къ дѣлу приставленъ, завсегда свое дѣло исполнять долженъ...

Полковой санитаръ, навернувшійся къ штабу, провелъ отца Никодима къ околотку.

Въ грязной темной халупѣ, куда свѣтъ проникалъ черезъ узенькое, наполовину разбитое окно, два доктора и фельдшеръ перевязывали раненыхъ. У старшаго доктора руки были по локоть въ крови, лицо сердитое, и поворачивался въ тѣсной избенкѣ онъ такъ, словно не могъ найти себѣ мѣста. А въ двери безконечной волной сами, кое-какъ плетясь ослабѣвшими ногами, и на носилкахъ,—окровавленныхъ, грязныхъ, втаскиваемыхъ пыхтящими санитарями,—прибывали раненые.

Боже мой, чтó увидѣлъ тутъ отецъ Никодимъ!..

Первыя минуты ему показалось, что это сонъ, что такого не можетъ быть на самомъ дѣлѣ, что все происходящее передъ нимъ—страшныя видѣнія дикаго бреда.

Онъ увидѣлъ молодого солдата, пристально и неподвижно глядѣвшаго на него, только-что перевязаннаго и оставленнаго здѣсь до очереди, когда санитары вынесутъ его на повозку, и хотѣлъ отвернуться—такъ страшень и настойчивъ былъ этотъ взглядъ, но не отвернулся, а двинулся къ нему.

— Господи, какъ же такъ-то?—бормоталъ онъ, обращаясь къ солдату.—Какъ же это ты, землячокъ?

Солдатъ быстро облизнулъ сохнуція губы и отвѣтилъ прерывистымъ голосомъ:

— Какъ въ атаку шли... Штыкомъ онъ—аккуратъ подъ груди!..

— Господи, родненькій, больно, чай?..—не смѣя отвернуться, чтобы не видѣть кровавой пѣны на губахъ солдата, шепталъ отецъ Никодимъ.—Больно вѣдь, о, Господи!..

— Причащай, батя, конецъ, видать, будетъ...—такъ же хрипло, съ надрывомъ, проговорилъ солдатъ и слизнулъ розовую пѣну съ губъ:—я чую!..

— Господи, что же это я?—спохватился отецъ Никодимъ, вдругъ вспомнивъ, зачѣмъ онъ здѣсь, на войнѣ, въ этой халупѣ.—Что же это я?..

И съ волненіемъ, едва ли не въ первый разъ испытаннымъ за все время служенія своего священникомъ, съ такимъ благоговѣніемъ и такой несокрушимой вѣрой, что она способна была раздвинуть стѣны этой халупы, онъ приступилъ къ тому, къ чему готовился всей своей жизнью..

Странно и чудесно легло время, и не успѣлъ опомниться грубоватый попъ, полуграмотный и темный монахъ, какъ уже спустился вечеръ, и совсѣмъ уже не въ халупѣ былъ онъ, а на полѣ—широкомъ, тускнѣющемъ полѣ дымкой сумерекъ,

изрытомъ смѣнными маленькими ямками съ бугорочками землѣ въ одномъ концѣ.

Гдѣ-то далеко, не ближе, какъ за полверсты, грещали выстрѣлы, доносился оттуда крикъ, пушки гдѣ-то неподалеку рвали воздухъ рѣскими ударами—и все было, какъ во снѣ—и, какъ во снѣ, двигался отецъ Никодимъ, переходилъ отъ раненаго къ раненому, что-то говорилъ, что-то дѣлалъ, и, какъ во снѣ, видѣлъ санитаровъ съ посланками, и почему-то между ними завѣдывающаго хозяйствомъ, своего пріятеля—безъ шинели, безъ фуражки, даже безъ шапки, съ засученными рукавами, несущаго передовымъ тяжелыя носилки.

Разъ этотъ завѣдующій оказался возлѣ отца Никодима, серьезно взглянулъ на него и какъ бы въ объясненіе бросилъ:

— У меня объѣтъ данъ... Какъ бой—чтобы раненымъ помогать... Тамъ дѣло дѣлаемъ, хозяйство хозяйствомъ, а это для души!.

И, не договоривъ, наклонился и сталъ поднимать на носилки тяжело стонущаго, вобравшагося въ себя страннымъ комочкомъ, тяжелаго.

И одно, что могъ говорить отецъ Никодимъ, припадая на колѣни къ тѣмъ, что повили его глазами и звали къ себѣ,—это былъ безсвязный, растерянный шепотъ:

— Господи жь Боже мой, что же это такое?!

Онъ дѣлалъ все, что надо было дѣлать—говорилъ, утѣшалъ, и какія-то особыя, крестьянскія слова рождались у него, и въ смятеніи, въ ужасѣ, самъ подавленный больше тѣхъ, кого пытался утѣшить, говорилъ онъ безсвязно и смутно... Но было нѣчто въ этомъ безсвязномъ лепетѣ, что казалось выше всякихъ утѣшеній, и это ярко чувствовали раненыя, порой исковерканныя, исте-

кающіе кровью, съ ужасомъ молившіе, чтобы ихъ не трогали, не поднимали на носилки, не прикасались къ нимъ... Простой, забитый всей тяжестью нахлынувшего на него страданія, попикъ не говорить о великой задачѣ война, объ исполненномъ долгѣ, о святости смерти на полѣ брани,—онъ и словъ такихъ не зналъ и самъ не слышалъ никогда,—онъ просто подходилъ и, едва сдерживая катившія слезы, просто жалѣлъ, сокрушался вмѣстѣ съ тѣмъ, кто не могъ шевельнуться отъ жгучей боли въ раздробленныхъ костяхъ, жалѣлъ простой бабьей жалостью, отъ которой слезы лились самъ собой...

И безпомощный, не знающій, чѣмъ помочь, чѣмъ облегчить, какъ снять, переложить на свои плечи эти ужасающія, подавившія его страданія, онъ допытывался порою, что сдѣлать тому или иному, чтобы ему было легче.

Похудавшій, зеленый отъ потери крови, бородастый запасной пристально взглянулъ на него, когда онъ спрашивалъ, потомъ слегка отвернулся и затрудненно сказалъ:

— Кабы домой помочь оказать... Намедни аккуратно передъ сраженіемъ письмо со штабу въ роту принесли... Сгорѣли наши, Господь съ ними... Бѣдность, баба самъ-пять въ избѣ, а теперь и той нѣтъ...

— Господи, Владычица Небесная!—засуетился отецъ Никодимъ.—Я могу, Господи... Скажи, скажи, куда, куда послать-то—я могу, у меня есть, скажи: куда?..

Онъ рылся на груди, какъ-будто здѣсь сейчасъ хотѣлъ вынуть деньги, потомъ схватился за записную книжку, гдѣ аккуратно каждый мѣсяцъ записывалъ приходъ и расходъ, и плохо слушающимся пальцами написалъ адресъ.

И какъ будто нашелъ выходъ—каждому, къ которому подходилъ, прежде всего предлагалъ написать домой и сбивчиво, торопясь, бормоталъ:

— А можетъ, денегъ домой послать? Ты скажи, я могу, у меня есть, это я могу!

Уже ночь опустилась совсѣмъ на поле, уже бой укатился гремящей, тяжелой волной куда-то въ черную, вспыхивающую бѣлыми зарницами орудейныхъ выстрѣловъ, даль, а коренастый мужиковатый попъ вертѣлся на полѣ, какъ въ заколдованномъ кругѣ, уходилъ дальше и возвращался и метался, не находя выхода щемлящему страстному чувству...

И вдругъ послѣднимъ ударомъ на голову его обрушилось то, что переполнило смятенную душу.

Два черныхъ силуэта, тяжело дыша, стараясь втти въ ногу и спотыкаясь на валявшіяся винтовки, брошенные сумки, вырпсовались передъ отцомъ Никодимомъ.

— Что такое, кто такой?—метнулся онъ къ носилкамъ.—Тяжелый? Не надо ли чего, можетъ, помочь какую...

Онъ наклонился и въ темнотѣ разобралъ тускло-свѣтлое пятно знакомаго лица.

Раненый крикнулъ, что-то съ хрипомъ прошло у него въ груди, и знакомый густой басъ завѣывающаго хозяйствомъ заурядъ-чиновника громко и явственно выговорилъ:

— А я, батя, того!.. Какъ вдарить онъ шрапнелью—такъ аккуратно мнѣ по ногамъ, и животъ навыворотъ... Того, батя...

Санитары остановились, не опуская носилокъ, а отецъ Никодимъ наклонился еще ближе и, сжавъ въ мучительномъ жестѣ руки, хотѣлъ и не могъ ничего выговорить.

— Это ничего... — хрипло продолжалъ раненный:—я знаю!.. Потому какъ на такомъ дѣлѣ... и смерть принять лестно... Какъ я обѣтъ давши, чтобы насчетъ страдальцевъ...

Онъ закашлялся—и священникъ видѣлъ, какъ черная густая полоса крови поплыла по бритому подбородку.

Санитары оглянулись — рѣшили, что стоять нечего, и двинулись дальше.

И, совершенно не понимая, какъ это могло случиться, отецъ Никодимъ не пошелъ за ними, а остался на мѣстѣ.

Глубокое звѣздное небо смотрѣло на страшное поле съ вышины. Тонкій узкій серпъ мѣсяца висѣлъ надъ самымъ горизонтомъ, и отъ него, или отъ золотыхъ звѣздъ, странный, колеблющійся свѣтъ стоялъ надъ полемъ.

Невысокій, широкоплечій человекъ въ длинной одеждѣ, съ обнаженной головой, на которой длинные волосы шевелились подъ вѣтромъ спутанными прядями, неподвижно стоялъ среди темныхъ силуэтовъ убитыхъ солдатъ и смотрѣлъ въ небо.

Огромная, страшная своей ослѣпляющей простотой, правда вспыхнула вдругъ въ его душѣ, и недоумѣлый, подхваченный ею, онъ смотрѣлъ на золотыя звѣзды и не могъ понять, какъ раньше онъ не зналъ этого...

Онъ вспомнилъ всю свою жизнь—темную, убогую жизнь полуграмотнаго монаха бѣднаго монастыря, вспомнилъ пяточки и гривенники, которые собиралъ во время молебновъ, вспомнилъ копленныя съ такимъ наслажденіемъ рубли жалованья, суточныхъ, квартирныхъ и столовыхъ и широко раскрытыми, безконечно удивленными глазами оглянулся вокругъ.

Ему показалось, что онъ заблудился, что все прошлое,—вся его жизнь,—было какой-то одной сплошной ошибкой, и это поле съ неподвижными черными трупами, эти двигающіеся надъ землей огоньки санитаровъ, мелькающіе вдаль, вся масса страданія, которое онъ увидѣлъ сегодня,—въ первый разъ встрѣтившееся ему настоящее, подлинное, дѣйствительное...

Не переставая оглядываться, все съ тѣмъ же изумленіемъ въ душѣ, онъ сталъ на колѣни, потомъ опустился на руки, потомъ коснулся лбомъ холодной обросѣвшей земли.

Полежалъ такъ, потомъ поднялъ голову и, глядя въ черное небо, на золотыя звѣзды, зашептала истомленно и жарко какую-то особую, свою, тутъ же придуманную молитву:

— Господи!..—шептала онъ, прижимая руку со сложенными въ крестномъ знаменіи пальцами къ груди.—Ты все видишь и все знаешь, Господи!.. Не дай мнѣ ослѣпнуть, Владыко мой, не дай вступить опять на стезю грѣшную—Господи!.. Сподоби меня кончины въ свѣтломъ разумѣніи теперешнемъ, ибо слабъ есмь человекъ, и боюсь жизни, боюсь власти грѣшной ея!.. Пошли кончину мнѣ въ разумѣніи правды Твоей, когда просвѣтлѣла душа моя! Ты же все видишь и все знаешь, Господи!

Онъ опять поникъ головой, и спутанные волосы его упали на землю, и въ сладкомъ томленіи молитвы не видѣлъ и не слышалъ ничего бѣдный, темный, мужиковатый монахъ.

А на горизонтѣ попережнему вспыхивали короткія бѣлыя зарницы выстрѣловъ, глухой гулъ доносился оттуда, и, какъ отвѣтъ ему, трещали ружья, и торопливо, озабоченно рокотали пулеметь...

На вражьей землѣ.

Разсказъ В. Муйжеля.

I.

Полторы педѣли рота стояла въ деревнѣ. Это была брошенная польская деревня, въ которой остались только тѣ, кто не могъ уйти; война своимъ безпощаднымъ поршнемъ выжимала живую силу страны, и жители уходили вглубь при первыхъ приближающихся выстрѣлахъ.

Третій взводъ роты расположился въ просторной усадьбѣ, окруженной густымъ фруктовымъ садомъ, гдѣ все свидѣтельствовало о прочномъ умѣломъ хозяйствѣ. Эта хата была единственной во всей деревнѣ, гдѣ хозяева еще оставались. Правда, самого настоящаго хозяина, какъ потомъ узнали солдаты, австріяки взяли на войну, но его молодая жена съ пятнадцатимъ сыномъ и старикъ-отецъ остались. Этотъ старикъ, разбитый параличемъ, безпомощный, какъ ребенокъ, связалъ собою молодую женщину. Она осталась съ ужасомъ и тоской за своего сына, не находя въ себѣ силы бросить отца.

Нелѣпные разсказы о безпримѣрной жестокости русскихъ варваровъ, о насиліяхъ, чинимыхъ солдатами, въ первое время вызывали въ ней безконечную тревогу. Весь день, когда рота заняла деревню, крестьянка просидѣла въ темной ка-

моркѣ, гдѣ лежалъ больной, и, заглядывая туда, солдаты видѣли только ея угрюмые, злобные и испуганно сверкавшіе глаза, тревожно вспыхивающіе при каждомъ появленіи страшныхъ людей. Тамъ, въ полутемномъ чуланчикѣ, прижавшись въ уголь и охвативъ руками молчаливо плачущаго ребенка, она была похожа на какую-то дикую птицу, загнанную, чуждую и страшную своей мрачной рѣшимостью.

Рядовой третьяго взвода Савчукъ постоялъ въ дверяхъ, нерѣшительно помялся и сунулся назадъ.

— У-у-у, бѣсъ какой! Гляди, Митрохинъ, не пальнула-бъ еще какъ!

Митрохинъ—добродушный и веселый солдатъ, всегда и всѣмъ довольный,—мелькомъ оглянулся на Савчука и махнулъ рукой:

— Брось дурака валять! Пальнетъ! Скажетъ тоже... Она перепугавши, лица нѣтъ, а ты—„пальнетъ“!—Онъ обернулся къ женщинѣ, вѣжливо улыбнулся и такъ же вѣжливо заговорилъ:—Послушайте, мадамъ, какъ васъ... Вы того... Вы не очень беспокойте себя. Худою вамъ не сдѣлаютъ, и младенчику вашему тоже!.. Конечно война, но только что—истинно вамъ говорю—просто даже опасаться вамъ нечего, какъ мы—не нехристи какіе-нибудь; къ тому же отъ начальства приказано, чтобъ не обижать ни-ни!..

Онъ говорилъ долго, разводя руками и улыбаясь. Савчуку надоѣло это, и онъ ушелъ.

Черезъ нѣсколько времени Митрохинъ вышелъ на крыльцо хатки, и за нимъ, все еще опасаясь и крѣпко держа за руку ребенка, показалась женщина.

— Ничего, очень даже хорошо понимаетъ,—объяснилъ Митрохинъ сновавшимъ по двору сол-

датамъ:—говоръ ихній съ нашимъ сильно схожъ...
Все какъ есть обсказалъ ей!.

Съ тѣхъ поръ третій взводъ счелъ своей обязанностью принять подъ свое покровительство оставшихся женщину съ ребенкомъ и паралитика, лежавшаго въ темномъ чуланчикѣ.

Вышло это само собою, какъ часто выходитъ доброе и хорошее. Солдаты понимали, что жизнь и покой трехъ чуждыхъ людей всецѣло зависятъ отъ нихъ, а потому чувствовали свою какую-то обязанность по отношенію къ нимъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, то обстоятельство, что молодая женщина не бросила больного отца на произволь судьбы и стала довѣрчиво и просто относиться къ людямъ, до того считавшимся врагами ея страны вызывало въ нихъ мягкое, теплое чувство, перешедшее еще отъ дѣдовъ и отцовъ, знакомое и близкое. Вышло такъ, какъ выходитъ только у людей, оторванныхъ отъ семьи, привычной жизни и знакомой обстановки: все неудовлетворительное чувство заботы, ласки и любви, глубоко и тайно ощущаемое почти каждымъ, нашло себѣ выходъ въ этой женщинѣ и ея ребенкѣ.

На бездѣльѣ, благодаря тому, что рота несла только сторожевую службу и наряды въ караулы, заготовляя дрова и фуражъ, охраняла иногда проходящій обозъ,—солдаты возились съ мальчишкой по цѣлымъ часамъ, и даже ефрейторъ Кузьмичевъ, суровый и требовательный сверхсрочный солдатъ, и тотъ иногда бралъ на руки довѣрчиво прижимавшагося ребенка и трепалъ его по золотымъ волосенкамъ.

По вечерамъ, когда всѣ укладывались спать кто гдѣ, молодая женщина выходила на крыльцо и подолгу стояла, глядя въ высокое звѣздное

небо. Она была красива особой непривычной красотой, и странными казались ей большие голубые глаза под широкими черными бровями. Она стояла, бессильно опустивъ руки вдоль тѣла, и смотрѣла въ небо.

И при взглядѣ на нее, одиноко возвышающуюся на темномъ крылечкѣ старой хаты, у солдатъ начинало щемить на сердцѣ. О чемъ думаетъ она, брошенная, оставленная своими, слабая, красивая женщина? Молится ли она, или въ женской бессильной тоскѣ зоветъ кого-то, близкаго и далекаго, или просто вспоминаетъ недавнее спокойное прошлое.

И часто изъ-подъ твердой шинели закутавшихся солдатъ слышался вздохъ. О чемъ вздыхали эти чужіе, пришлые люди? О тяжести похода, о близкой, быть можетъ, смерти или объ оставленныхъ тамъ, далеко, дома, такихъ же женахъ, матеряхъ, дѣтяхъ?

Звѣздное, холодное, уже осеннее небо смотрѣло сверху тысячами живыхъ, мигающихъ глазъ; шла ночь, предвѣстница завтрашняго дня, неизвѣстнаго, несущаго, быть можетъ, смерть.

Женщина уходила съ подавленнымъ вздохомъ, и общая тонкая печаль людей, несущихъ общую тяжесть войны, роднила ее съ грубыми, чуждыми солдатами. Можетъ быть, именно потому никто изъ этихъ солдатъ никогда не позволилъ себѣ ни одной неприличной шутки, ни одной грубой выходки по отношенію къ беззащитной, брошенной своими, женщинѣ.

II.

По наряду третій взводъ работалъ въ лѣсу, заготавливая дрова. Вышли рано, а когда пришли

въ лѣсъ, за четыре версты, уже свѣтало, и первые, еще серебряные, лучи солнца врѣзались въ утренній туманъ. Люди вышли на работу съ винтовками и даже сумками. Ефрейторъ Кузьмичевъ произвелъ расчетъ и, провѣряя солдатъ, оглядѣлъ зарядныя сумки.

— Ну, ребята гляди!..—сказалъ онъ,—цѣпь не цѣпь, а секретъ выставить приказано... Гляди-жь!..

Составивъ винтовки и сбросивъ сумки, солдаты принялись за заготовку дровъ, выславъ впередъ предъ лѣсомъ троихъ въ секреты.

Предъ вечеромъ, когда уже собирались шабашить и идти домой, въ деревню, въ лѣсу съ опушки послышался трескъ сучьевъ, и черезъ нѣсколько минутъ показался солдатъ въ сопровожденіи высланнаго въ секреты Фомичева.

— Бросай, ребята! Послалъ фельдфебель, чтобъ бросали!—еще издали закричалъ онъ.—Получили приказъ, чтобъ отходить... Рота уже выступила, со всѣмъ полкомъ пошла, а вамъ чтобъ къ вечеру догнать, куда давеча обозныхъ провожали. Деревню оставляемъ совсѣмъ.

Ефрейторъ Кузьмичевъ выслушалъ, пошевелилъ усами, подумалъ, а затѣмъ спросилъ:

— Говоришь, что рота уже выступила? Гм... Такъ, значитъ!.. Ну, бросай ребята, коли такъ. Зови секретъ-то!..

Пока собирали вещи, ждали посланнаго за секретными, Митрохинъ отозвалъ въ сторону Савчука и толкнулъ его локтемъ въ бокъ:

— Слышь, Савчукъ, какъ же такъ, а? хозяйку-то нашу, а? Значить, оставлять?

— А тебѣ что? Съ собой брать, что ли?

— Неловко такъ-то?

— Иди ты къ лѣшнему! „Неловко!“—разсердился Савчукъ,—выдумаль тоже...

Онъ отошелъ въ сторону, захватилъ свою винтовку и направился къ тронувшимся уже солдатамъ. Митрохинъ пошелъ сзади и все время, пока шли по лѣсу, крутилъ головой и думалъ. Раза два онъ обернулся на Савчука, потомъ на Фомичева, но ничего не говорилъ.

Изъ лѣсу вышли, какъ стало уже темнѣть, и эта тьма ползла по пригоркамъ, синеватыми пятнами лежала въ овражкахъ. Идти надо было верстъ восемь въ противоположную отъ деревни сторону, туда, гдѣ стоялъ обозъ, для прикрытiя котораго и шла рота. Поднявшись на пригорокъ. Митрохинъ еще разъ оглянулся въ ту сторону, гдѣ была деревня, и остановился. Тамъ тонкимъ и четкимъ въ сумеречномъ небѣ столбомъ поднялся дымъ.

Митрохинъ тронулъ за руку Савчука и указалъ ему въ ту сторону. Шедшіе рядомъ три солдата тоже остановились и оглянулись туда.

— Безпремѣнно развѣздъ ихній!..—пробормоталъ Фомичевъ, вглядываясь въ дымъ.—Какъ же такъ, ребята, а?

Митрохинъ мелькомъ взглянулъ на него. Савчукъ нахмурился и отвернулся.

— Кабы пустилъ Кузьмичевъ, можетъ, можно-бъ было какъ...—бросилъ онъ,—потому они, коли зажгли, такъ и ушедши... А она-то оставши!..

Митрохинъ опять оглянулся, и лицо у него было напряженное и тревожное.

— Главное дѣло, что старикъ... Кабы онъ, ходить могъ... братцы? Какъ же такъ, а?

— Кузьмичевъ вотъ... Такъ бы что—послѣ-бъ догнали, долго-ль тутъ?. А они не иначе какъ

зажгли да сами ушли, потому они знают, наши сколь время стояли.

Одинъ и тотъ же планъ одновременно зародился у всѣхъ въ головахъ.

— Кузьмичевъ вотъ только,—неувѣренно проговорилъ Савченко,—а то-бъ можно.

Митрохинъ тряхнулъ головой и бѣгомъ догналъ ефрейтора.

— Василий Егорычъ, такое дѣло,—началъ онъ, наивно и просто глядя въ глаза Кузьмичеву,—на деревню бы сбѣгать... Малымъ дѣломъ—послѣ-бъ сряду и догнали-бъ, покуда вы идете... А я сапоги тамъ оставилъ... все починить ладился—добрые сапоги... Потомъ Савчука подумокъ не взялъ—казенная вещь, неловко... Дозвольте, Василий Егорычъ, мы однимъ духомъ... Савчукъ, Фомичевъ, послѣ еще двое и я—отъ разу сбѣгаемъ!..

Ефрейторъ оглянулся въ сторону деревни и остановился.

— А ты что? Аль съ печки свалился? Не видишь, что...—началъ онъ, но вдругъ взглянулъ на Митрохина и умолкъ.

Тотъ молча смотрѣлъ на него, и было нѣчто въ темныхъ глазахъ солдата, отчего ефрейторъ вдругъ нахмурился и засопѣлъ носомъ.

— Ты этого, Митрохинъ,—началъ онъ,—ты это, значить...—Онъ опять перевелъ взглядъ на столбъ дыма, подымавшійся вдали и теперь слегка окрашенный розовымъ отсвѣтомъ снизу, и отвернулся. Съ минуту онъ молчалъ, потомъ вдругъ повернулся назадъ и сердито крикнулъ:—„ну, гляди, ребята, вали, только... коли что, такъ тую-жь минуту назадъ, поняли?! Васъ сколько? Пятеро? Глядите! И чтобы духомъ догнать, не то я васъ...“

— Помилуйте, Василь Егорычъ!..

Такъ пять человѣкъ отдѣлилось отъ взвода. Фрейторъ съ остальными людьми пошелъ дальше и раза два оглянулся на нихъ. Пятеро шли быстро, почти бѣжали и скоро скрылись.

III.

До деревни оставалось не больше полуверсты, когда пять солдатъ, присѣвъ на корточки въ какой-то ложбинѣ, стали совѣщаться. Уже хорошо видны были силуэты хатъ, охваченныхъ огнемъ, слышны были трескъ пожара и незнакомый, отрывистый, какъ команда, крикъ.

Прежде всего отрядили Савчука, какъ одного изъ наиболѣе ловкихъ и осторожныхъ, на развѣдки. Онъ, согнувшись и перехвативъ винтовку, ушелъ, потомъ опустился на животъ и поползъ. Пропадалъ онъ довольно долго и вернулся съ такими вѣстями: австрийскій развѣздъ—небольшой, но все же человѣкъ тридцать—еще въ деревнѣ. Зажигаютъ со всѣхъ концовъ и торопятся: должно быть, давно караулили, когда наши уйдутъ, и боятся, чтобы не вернулись. Суета у нихъ большая. Значитъ, какъ быть? Бросить бѣдную бабу съ ребенкомъ и безпомощнымъ старикомъ, или сдѣлать отчаянную попытку помочь ей?

На первое предложеніе Митрохинъ искоса глянулъ на Савчука, а затѣмъ проговорилъ:

— Значитъ, такое дѣло, ребята! Братцы, аль не все одно? Коли писано на роду, такъ все одно смерть!.. Ежели, скажемъ, двоимъ подобраться къ самому саду, гдѣ колодезь, что на выгонъ выходить, а троемъ съ тыла, безпремѣнно съ тыла, чтобы страшно стало, будто отрѣзаны, да стрѣльбу.. Вѣдь, братцы, тремъ смертямъ не бывать, ребята!..

Совѣщаніе рѣшило отправить Савчука и Ми-

трохина подползает къ саду, а остальнымъ ползати въ обходъ, чтобы ударить „съ тыла“. Обходные должны были хорошо выждать время, чтобы дать подползти дѣйствующему авангарду; въ свою очередь авангардъ условился не начинать дѣйствія, пока обходная колонна не дастъ знать пальбой, что планъ атаки выполненъ. Пять рядовыхъ, изъ которыхъ двое только въ солдатской школѣ выучились грамотѣ, закончили военный совѣтъ и, разработавъ диспозицію, выступили въ походъ.

Ползти было нетрудно, но тревожно. Больше всего беспокоила не та мысль, что кавалерійскій разъѣздъ просто-напросто изрубитъ въ куски всю армію изъ пяти человекъ, а то, что авангардъ не успѣетъ во время доползти до колодца за знакомымъ садомъ. Но, когда Митрохинъ и Савчукъ были уже на мѣстѣ, когда для того, чтобы быть невидимыми, имъ приходилось прятаться за высокимъ срубомъ колодца, въ черной, трепещущей отъ неровнаго свѣта пожара, тѣни, имъ казалось, что лежатъ они притаившись, какъ мыши, мучительно долго.

Трескъ горящаго дерева, короткіе и громкіе крики на незнакомомъ языкѣ, топотъ вертящихся въ деревнѣ испуганныхъ огнемъ лошадей разъѣзда, а главное—тотъ отчаянный рискъ, на который пошли они, дѣлали ожиданіе невыносимо напряженнымъ.

— Господи, не влопались ли тѣ тамъ?..—беззвучно шепталь Митрохинъ.— Да нѣтъ, стрѣляли-бъ, чай.

Савчукъ неподвижно лежалъ, какъ-то весь собравшись въ комокъ и остро, по-звѣриному глядя впередъ. Одинъ разъ онъ только чуть-чуть обернулся и прошепталъ еле слышно:

— Наша изба занялась... Теперь бы самым разъ вдарить туда!

Какъ бы въ отвѣтъ на его слова, далеко и беспорядочно вдругъ затрещали выстрѣлы.

— Уррра-а-а!—зашумѣло въ той сторонѣ сквозь трескъ пожара, и опять раздался частый и дробный перебой выстрѣловъ.

— Вали!—коротко бросилъ Савчукъ и прыгнувшійся прыгнулъ изъ-за колодца.

Митрохинъ съ винтовкой бросился за нимъ.

Они промчались по саду, затѣмъ выскочили на дворъ и разомъ натолкнулись на трехъ конныхъ австрійцевъ. Савчукъ пріостановился, сжалъ зубы, лицо у него стало свирѣпымъ, и онъ выстрѣлилъ. Грохотъ выстрѣла оглушилъ Митрохина, но онъ тоже выпалилъ, не глядя—въ кого и куда, и въ прыгающихъ, крутящихся черно-красныхъ отвѣтахъ вдругъ увидѣлъ Савчука съ тѣмъ же свирѣпымъ лицомъ уже среди конныхъ солдатъ.

— Уррра-а-а!—оралъ тотъ, взмахивая сверкнувшимъ штыкомъ,—навались, ребята!

Митрохинъ перехватилъ винтовку за дуло и, замахнувшись прикладомъ, прыгнулъ къ нему. Черный силуэтъ лошади вплотную надвинулся на него, и, прежде чѣмъ онъ могъ сообразить, что надо дѣлать, руки сами со страшной силой опустили орѣховый прикладъ на верхового въ голубой кепи.

— Уррра!—заоралъ и онъ въ бѣшеномъ восторгѣ отчаянности,—бей ихъ!..

Гдѣ-то близко, уже въ деревнѣ, трещали короткіе, револьверные выстрѣлы, кто-то кричалъ тамъ неистовымъ, охрипшимъ голосомъ, топотъ карьера нѣсколькихъ лошадей тяжело билъ воздухъ. Въ дыму пожара, въ красномъ пламени, охватившемъ

соломенную крышу хаты, все было какъ нелѣпный кошмаръ.

Двѣ лошади, уже безъ сѣдоковъ, метались по двору, не зная, куда броситься, и давили корчившихся на землѣ двухъ людей. Третій, выхвативъ шашку, изо всѣхъ силъ билъ ею свою лошадь, топтавшуюся у воротъ.

— А-а, ты такъ!—оралъ Савчукъ прикладываясь въ него,—ты еще не хочешь?!

Опять оглушительно громко ударилъ выстрѣлъ, и кавалеристъ тяжело и безмолвно вывалился изъ сѣдла. Лошадь поднялась на дыбы, дала отчаянный прыжокъ, но нога верхового застряла въ стремени, и Митрохинъ видѣлъ, какъ жалко и слабо отгнулось волочащееся вслѣдъ за лошадыю тѣло австрійца.

— Живѣй въ избу! Тащи ее, а я—старика!—надъ самымъ ухомъ крикнулъ срывающійся голось, и Митрохинъ, кинувшись въ черный квадратъ дверей, пробѣжалъ сѣни, потомъ горницу и сорвалъ дверь въ чуланъ.

Тамъ, прижавъ къ себѣ ребенка, сидѣла женщина съ безумными, огромными глазами. Должно быть, она не поняла, кто ворвался сюда, потому что, когда Митрохинъ схватилъ ребенка, она вцѣпилась въ рукавъ рубахи и чуть не повалила солдата.

— Скорѣй, сторишь, о, чтобъ тебя!..—задыхаясь бормотала онъ, въ то время какъ Савчукъ, толкаясь и мѣшая, тащилъ вонъ костлявое тѣло старика,—скорѣй, скорѣй!..

Крестьянка узнала, поняла и вдругъ заметалась по чулану.

— Иезусъ Марія!—бормотала она, подхватывая волочащееся одѣяло, —тожь—панъ Митроха, а мыслямъ...

Не слушая ея, Митрохинъ уже бѣжалъ по двору, путаясь въ одѣялѣ и боясь уронить винтовку, но она все-таки вывернулась, стукнулась о землю—и опять внезапный, потрясающій грохотъ выстрѣла раскатился по деревнѣ.

— О-о, чтобъ тебя!..—выругался Митрохинъ, подхватывая ружье и смутно угадывая, что это хорошо, что былъ выстрѣлъ.—Скорѣй! Скорѣй!

Впереди, уже въ саду бѣжалъ Савчукъ, перекинувъ черезъ плечо, какъ мѣшокъ съ овсомъ, параличнаго старика. Сухія, жилистые руки его бессильно болтались въ стороны, а голова вздрагивала за каждымъ прыжкомъ солдата.

А вдали, съ поля предъ деревней, попрежнему доносилась лихорадочно-чистая, торопливая дробь выстрѣловъ.

„Работаютъ наши, что твоя рота!..—мелькнуло въ головѣ Митрохина, когда онъ пробѣгалъ уже колодезь и мчался куда-то въ черную темноту поля за мелькающимъ впереди Савчукомъ,—ишь жару пуцаютъ! Подумаешь, полкъ цѣлый!“

На томъ мѣстѣ, гдѣ происходилъ часъ тому назадъ военный совѣтъ,—въ неглубокомъ овражкѣ, закрытомъ кустами,—Савчукъ сразбѣга ударился о землю, перекувырнулся вмѣстѣ со старикомъ и сѣлъ.

— Вызволили!—проговорилъ онъ, обтирая разбитое въ кровь лицо,—вотъ такъ работа!..

Митрохинъ положилъ на землю ребенка, какъ жетса, еще не пришедшаго въ себя отъ переполоха, присѣлъ на корточки и, взглянувъ на темный силуэтъ склонявшейся женщины, засмѣялся мелкимъ, захлебывающимся смѣхомъ.

— Хо-хо-хо-хо!—хохоталъ онъ, наклоняясь къ колѣнамъ,—вотъ такъ дѣло!.. Кэ-экъ ты его вда-

рилъ, онъ я съ коня долой... О, чтобъ тебѣ!.. вотъ такъ битва!..

Савчукъ, все еще отирая лицо, наклонился къ старику.

— Живъ, ничто!.. Думалъ, зашибъ, какъ упалъ, а онъ ничего—бормочетъ что-то... Рожу гораздъ разбилъ—сучки эти самые,—говорилъ онъ прерывающимся отъ волненія и бѣга голосомъ.—Здорово раздѣлали! Наши-то тамъ палятъ, страсть просто. А ты-то, солдатъ тоже!.. винтовка въ рукахъ, а онъ прикладомъ... Мало не полбашки ему снесъ, какъ треснулъ... Нѣтъ, чтобы поаккуратнѣе. Чай стрѣлить могъ!

Онъ еще говорилъ что-то, но Митрохинъ не слушалъ. Онъ помогалъ женщинѣ закатать ребенка и, все еще нервно смѣясь, говорилъ что-то ласковое и непонятное.

Перестрѣлка вдали разомъ оборвалась, какъ будто тамъ захопнули какую-то крышку, черезъ которую доносились эти трескучіе удары. Савчукъ поднялъ голову и прислушался.

— Ну, бери, да пора утекать. Наши бросили, сюда валять!.. Коли тѣ не советъ ошалѣли, они должны слѣдомъ за ними. Бери своего да попрремъ.

Онъ подхватилъ старика, поднялъ его и споро, дѣловито пошелъ въ темноту.

Митрохинъ взялъ ребенка, оглянулся на женщину и улыбнулся. Она ему отвѣтила тревожно-радостной, странной улыбкой и вдругъ наклонилась, схватила его за руку и поцѣловала ее.

— Что ты, что ты, что ты!—испуганно забормоталъ Митрохинъ, чуть не уронивъ ребенка,—али ты ума рѣшивши? Что ты!..

Онъ отвернулся отъ стыда и неловкости, быстро пошелъ впередъ и только разъ, мелькомъ и искоса,

бросилъ взглядъ на шедшую рядомъ женщину. Красный, безпокойный свѣтъ, разыгравшагося пожара чуть озарялъ ее, и блѣдное красивое лицо казалось въ немъ новымъ и призрачнымъ. И страннѣе всего были глаза—громадные, сверкающіе слезами, лучистые, благодарные глаза, не отрывающіеся отъ смущеннаго солдата.

IV.

У лѣсной опушки, когда обремененные спасенными изъ пожара солдаты проходили высокой кустъ, навстрѣчу выросла темная фигура.

— Стой, кто идетъ? Никакъ Митрохинъ съ Савчукомъ?—окрикнулъ знакомый голосъ.—Ну, какъ, все-ль радио?

— Ништо, взяли назадъ деревню,—отозвался Савчукъ,—вышибли австріяковъ, песь ихнему батькѣ... Ваши-то всѣ цѣлы?

— Всѣ... Патроновъ гораздъ много разстрѣляли—Кузьмичевъ лаяться будетъ!

Когда подошли остальные солдаты, гдѣ-то далеко, за розовымъ заревомъ пожара, за черной гранью горизонта тяжело и глухо ухнуло что-то. И тотчасъ вслѣдъ за этимъ огненная парабола прорѣзала небо съ той стороны, и свѣтящееся облачко, вздрагивая и колебаясь, пронеслось къ деревнѣ. Черезъ секунду, покрывая всѣ звуки, раздавался трескъ разорвашагося снаряда.

Старый, сверхсрочный солдатъ Матвѣевъ укладывалъ на раскатанную шинель параличнаго старика. Вскорѣ его подняли.

Всѣ тронулись и медленно пошли лѣсомъ по той же дорогѣ, что шли вечеромъ, когда ихъ отозвали съ работы къ обозу. Опять ухнуло вдали

стальное чудовище, и новый снаряд пролетѣлъ, разсѣкая тьму.

Митрохинъ оглянулся на шедшую рядомъ женщину, улыбнулся и сказалъ, обращаясь къ невидимой батарее:

— Вали, братъ, разсаживай начисто, авось тебѣ дѣлать нечего!

И онъ засмѣялся, счастливый и радостный тѣмъ, что все кончилось благополучно и австриякъ палить теперь по пустой деревнѣ.

Изданія состояшаго подъ Высочайшимъ Его Император-
скимъ Величествомъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА покровитель-
ствомъ СКОБЕЛЕВСКАГО КОМИТЕТА, для выдачи
пособій потерявшимъ на войнѣ способность къ труду воинамъ

Петроградъ, Мытнинская ул., д. 27.

Пребываніе въ германскомъ плѣну и геройскій побѣтъ
изъ плѣна. Румша. . . . . Цѣна 1 р.

Шпіонъ. По мемуарамъ нѣмецкаго шпіона. Пер. Е.
Руссатъ . . . . . Цѣна 1 р.

Мирные завоеватели. Маркъ Чертванъ. Повѣсть изъ
жизни и дѣятельности нѣмецкихъ шпіоновъ въ Рос-
сіи . . . . . Цѣна 35 к.

Бѣлый Генераль.—М. Д. Скобелевъ.—Въ народ-
ныхъ сказаніяхъ со снимками съ народныхъ лубочныхъ
картинъ Л. В. Евдокимовъ. Изданіе 2-е дополнен-
ное . . . . . Цѣна 40 к.

„Священный стягъ“. Сборникъ новыхъ стихотвореній
на сюжеты текущихъ военныхъ событій. Дмитрія Цеп-
зора . . . . . Цѣна 50 к.

„Поклонъ героямъ“. Стихи. Изабеллы Гринев-
ской . . . . . Цѣна 60 к.

„Отзвуки войны“. Сборникъ стихотвореній А. К. Съ
предисловіемъ автора и приложеніемъ стихотворенія
М. Конопницкой: „Ель границѣ“ . . . . . Цѣна 60 к.

„Впередъ смѣлѣе“. Сборникъ стихотвореній на сюжеты
текущихъ воен. событій Е. Хмельницкой . . . . . Цѣна 50 к.

Правила почтовыхъ сношеній частныхъ лицъ съ
чинами дѣйствующей арміи ранеными и больными вои-
нами. Съ приложеніемъ примѣрныхъ адресовъ и памят-
ныхъ листовъ . . . . . Цѣна 10 к.

Великая Русь въ борьбѣ съ нѣмцами. На память
русскому народу. О. О. Скворцовъ . . . . . Цѣна 40 к.

„Зарницы войны“. Е. Руссатъ. Повѣсти, рассказы и
наброски съ театра военныхъ дѣйствій . . . . . Ц. 1 р. 50 к.

Пѣсни о нѣмцахъ и туркахъ. Годицова
(Wega) . . . . . Ц. 1 р. 25 к.

4335. La
„Вторая Отечественная война, по рассказамъ ее Героевъ“ кр

Новое роскошное изданіе, популярно и читаемо, посвящающее событія текущей освободительной борьбы противъ германизма, выпавшей на долю исторической зашты инициативы и собирательницы славы, палей великой родины—Россіи.

25609
Крайне интересный, захватывающій по своему содержанию текстъ изданія составляется по подлиннымъ рассказамъ участниковъ войны повѣстными русскими литераторами, рисунки же исполняются лучшими петроградскими художниками и иллюстраторами по имѣющимся въ распоряженіи Комитета фотографіямъ, наброскамъ и другимъ безспорнымъ документамъ съ театра военныхъ дѣйствій. Выходитъ выпусками. Всего 30 вып. по предварительной подпискѣ . . . . . 7 р. 50 к.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА:

при полученіи первыхъ выпусковъ (наложеннымъ платежомъ) 2 руб. 50 коп. за вычетомъ задатка; остальные ежемѣсячными взносами отъ 1 руб. до полной уплаты всей подписной суммы.

Тоже изданіе въ роскошныхъ съ золотымъ тисненіемъ каленкорovýchъ переплетахъ (3 тома). Цѣна—9 руб., пересылка и упаковка за счетъ подписчиковъ по дѣйствительной ихъ стоимости.

Задатокъ при подпискѣ не менѣе 1 руб.